

ВОЗНЕСЕНИЕ СЛОВА

В мире литературы

Предложение. Начало см. в №№ 5, 6, 8, 10, 11, 12.
 «Увершил Господа» — так назывался шестой глава книги академика Рафаэля Гусейнова. Эпиграфом к ней служат следующие строки, автором которых является Шихабеддин Сукурравери:

*О, существующий извечно и вечно,
 Помогни нам светом! Укрепи нас светом!
 Силою нас светом.*

Почты уверена, что имя этого нашего соотечественника также многим незнакомо, не говоря уже об истории его, уже, короткой жизни.

Шихабеддин не постыжась дожить до преклонных лет. Ушел из жизни он не от какой-то страшной эпидемии, на голову ему не свалился кирпич, словом, случай здесь совершенно не причём. Его убили, когда Сукурравери было всего лишь 37 лет. Как в этой сравнительно короткой по земным меркам жизни умелось столько разных событий, одному существовавшему вечно и извечно известно.

«В нашей истории», — пишет автор книги в начале этой главы, есть страницы, окропленные кровью. Это не след крови, пролитой на полях брани, в беспощадных битвах. Это след крови подвизавшихся духа, потаившихся жизнью на плахе, на заборе или в застенках позднейших времен, когда иначе-иначе считалось вранью и каралось смертной казнью...

Причина этого злодешства, имени зачинщиков, исполнителей до сих пор остаются не раскрытыми. Дела «давно минувших дней», сланные в архив истории. Хотя о времени совершения преступления минули столетия, и свидетели давным-давно покинули мир, это убийство нельзя закрыть по истечению «срока давности». Речь идёт не о покушении на заурядное лицо. Речь идёт о гибели бесценной личности, человека, которого можно было считать стовым хребтом нации — такие типы духа называются «жизнью» для целых народов. Посягательство на его жизнь, по сути, преступление против человечности. А такие преступления не имеют срока давности. Речь идёт об убийстве гениального азербайджанского мыслителя Шихабеддина Сукурравери, жившего в 1917 году, когда после революции началось основание имеющихся у нас документов и улик, выявление показаний заказчиков, исполнителей этого убийства то, как и зачем оно было совершено.

Периельства «личное дело» «убийственного философа» — первый шаг к разгадке. Автор, человек молодой, автор на 159 страниц сообщает о том, что по национальности героя, отец главы — азербайджанский поэт. Имя — Яхья, шестой главы — «Ибн Хабиб, имя дада Амир-Ке, нисба — место рождения Сукурравери — Рамачан, 154. Образованность — восточная философия, о знаменитого учёного того времени Махмудаддина Джили, постигая мусульманское право и основы философии. Позднее углубил свои знания в Исфаганских пенатрах — восточной азербайджанско-персской он ввел в той же степени, арабским и фарси, писал на эти языках научные и литературные произведения. Совершенное образование говорит о состоятельности его родителей, но, несмотря на это он всё несправедливый образ жизни. Автор, о скорее всего историю, указывает о том, был ли этот молодой человек влюблён в какую-нибудь красавицу, как Баба Кули. Это сообщает о том, что за сравнительно короткую жизнь он успел создать 52 трактата по философии, праву, астрономии и на другие темы, а также «Диван» стихов. Из описаний можно составить представление о его внешнем облике и характере. Был он смуглым, среднего роста, держал не очень длинную бороду. Был любителем певших хождений. Оделвался просто и неприхотливо. Своей сущностью — восточный отшельник, далёкий своим предшественникам. «Хочу помногу добрым словом зазвучи Малика Махмудова и Замира Мамедова — первых исследователей и популяризаторов наследия Шихабеддина Сукурравери. Перейдя на работу в Музей литературы и искусства Ирана, в первую очередь, хотелось расширить экспозицию музея, в частности, достойно представить и в Шихабеддина. С этой целью перевёл его стихи с арабского и фарсидского на азербайджанский язык, попросил Замира Муллима, моего давнего сотрудника по академическому институту философии и права, помочь мне и собрать информацию из хороших известных ему соответствующих источников, которые могла бы пригодиться в создании живописного портрета Шейха. Замир Мамедов откликнулся на мою просьбу и дискуссии о Шихабеддине Гусейнове, в соответствии с ним написал специальную статью на эту тему; народный художник Михаил Абдуллаев, которую мне было бы полезно и в иллюстративное оформление нашего музея, обогатил экспозицию образами классической усадьбы и зданиями Бигора, полученные от нас соответствующие материалы, загорелся идеей создания портрета Сукурравери, настроился на эту работу.

Увы, проблемы со здоровьем, ухудшающиеся зрение помешало замечательному мастеру нанести последние штрихи к этому замечательному портрету оставшейся нашей мечтой, я же хотел верить, что рано или поздно этот пробег удастся восполнить».

Читая главу далее и узнаю о том, что, судя по истон-

никам, с которыми ознакомились автор и которые смог досконально изучить, Сукурравери был человеком прямодушным, склонным к полемике, подчас экспансивный до дерзости и резкости, а также बेкомпромиссный в отстаивании своих убеждений и позиции. «Конечно, незаурядность натур и интеллекта не сулит комфортную жизнь и одностороннюю реакцию окружающих. У уникальных феноменов, наряду с единомышленниками и приверженцами, неизбежно находятся оппоненты, антагонисты, недруги, а то и завистники, мстящие или за глаза. Есть предначертанное личностью, миссия человека, миссия народа. И есть «звездные часы» человека и народа. XII век можно считать «золотым веком» азербайджанской культуры. На этом историческом отрезке заблистали гении, которых хватило бы на все пространство истории целого народа. В XIX веке из небольшого местечка Сукурравер подполудку от Зендкана (Южный Азербайджан) вышла плеяда светил науки и литературы. Абунаджид Сукурравери (1097 — 1168) — учёный-правовед и суфийский философ. Суфийско-доктрина и теории разума Шихабеддин Смар Сукурравери (1145 — 1234), оставивший богатое духовное наследие, главным ключевым трудом, считающимся кодексом таргата «ахия» является «Китаб-и футуве» — «Книга благосветности».

Но верошнейшая плеяда Сукурравери стал ярчайший человек трагической судьбы, которому выпала высокая миссия — нести всю жизнь людям свет, пламене, углы, пылать огнём (вспомним Пушкинского «Пророка»), и пламень он нес в сердце и разуме своём. Самое удивительное, — мы не видим в Сукурравери каких-либо признаков страха смерти, ухода в небытие. Лишь это не ради красного слова. Исторические источники, воспоминания и отзывы современников, собственные признания поэта говорят об этой «небесности». Он призывает не трогать жизнь свою, памятуя об ограниченности отпущенного срока, творить добро и благо перед приходом «Нежданной гостьи».

*Коль умершим счётче мне крут мусульман,
 Путь не мнят, что исчез дух, покинувший стан.
 Я божусь, я кланюсь, что не смертен вовек,
 Мир был кланялся, а я — плач, угоревший в клань.
 Улетел, улетел, мир остался как клеть,
 В нём живущим и жить, мой испосител фирман.
 Пусть отсель денется загробная весть,
 Не страшна, истукан в агонии дух.
 И сонти, что направился в путь караван.
 Дух, доставшийся нам, в одеянии — перл,
 Плоть одева в вех, одинаков кафтан.
 Лицевая людей, я искал в них себя.
 Мир был кланялся, а я — плач, угоревший в клань.
 Принимать нам боль все исцеляя дух.
 И блга деля — исцеленье от ран.
 Поминань мне, всяк заслужит помин,
 Покойся сей мир, что на время нам дан.
 Обретёт благословенье любой человек.*

Почитая меня, уважая мой сан.
 Вам последуй за мной, прощальный девиз.
 Весть Творца, и да будет Ему каждый желан.

И хотя ни один из древних, сошедших истонков не подтверждает авторство этой галереи перу Сукурравери, у Рафаэля Муллима, по его собственному признанию,

сплохилое, такое впечатление, что эти стихи являются предсмертным завещанием поэта. И записаны эти строки кем-то из духовных потомков того диктатора.

На странице 166 нам задаётся вопрос, каким же событиям предшествовали этому прощальному стику?

И кем могло быть задумано и осуществлено затем убийство поэта?

Чтобы разобраться в причинах роковой развязки, автор обращается к современнику Сукурравери Сена, фаддин аль-Амиди (1156 — 1233), который пишет: «При встрече с Сукурравери в Алеппо он мне сказал, мол, я непременно должен завладеть миром. Я спросил, с какой стати это вошло ему на ум? Он ответил, что ему понравился, что он исполнил миссию до дня. Я заметил, что, быть может, наик на твою значимость и славу, которую ты считал своей учёностью и знаниями. Он не ответил ни слова. Сукурравери и вправду «исполнил миссию до дня». Мире махадости. Мире битам. эта вода была солоня и горька. Как вкус самой жизни...»

Люди, цепляющиеся за славу, могли бы использовать на тысячи ладов претензии его на мировую гегемонию и настроить сильных мира сего против него. Но он жалел не материальное, а духовной власти.

Один из энциклопедических умов того времени Абулгити Багдади (1162 — 1231) писал: «Я непосредственно судилиями Шихабеддина Сукурравери, слушая возбуждающие разговоры людей об этом философе, о том, что его сочинения превосходят авторов прошлого. И в его сочинениях я увидел многое, деморализующее невежество современников. Ниже приведу сего-то Сукурравери на эволю, на современную чернь, на которую он смотрел свысока».

*На свете исцелял вконец красота,
 Коль есть новизна, то и даять пуста,
 Все шкурники слышит, и доверять не,
 Кому же поверить? Кому? Вот беда.
 Печку на дороге, нигде не пройти,
 Никого к добру на замке, запор,
 Достойства нети, и честь не в чести,
 И враги, и нравы сгубила тиета.*

Во мне не осталось веры в людей,
 Пусть истинные веры, а суть их не та.

«Другой мыслитель», — сообщает Рафаэль Муллима на странице 170, — учёник поэта Шихабеддин Шахмудри (умер в 1231 году) в трактате «Нусх аль-Араф на рауд аль-афрах» — «Завабы духа и сад блаженства» упоминает себя на внутренний мир и духовный климат эволю.

Читая эту книгу, изданную в 1977 году в Тегеране, черпая в неё ценные сведения, не могу не выразить своего мнения по поводу того, что трудно до сих пор не передать.

Благородный Шахмудри давал ответы отрицательным Сукурравери. Он говорит о своём устате, как человек «нежданного» ула, прекращая своё повествование, что он недоволен своим собственным умом, потому что, как и с него, не помышлял о славе и верховенстве.

Леготески Ягут Ибн Абдула Мур (1179 — 1229) сообщает такие подробности о тех, кто копал яму под Сукурравери, подробности, которые могут помочь доискаться до причин убийства. «Все они, даваемые записью, обвинили Сукурравери в ереси и сговорились об его умерщвлении. Ему приписали великие грехи. Твердили, что он аждам велел на себя миссию пророчества».

Острый ум арабского поэта, политика и убийствительных вещей, смывающих Сукурравери авторитет перед правителями Алеппо, ещё больше распалили недоброжелателей Шейха, которые решили заткнуть сети ещё туже и вернее. Ортодоксы ислама настаивали на его наказании как еретика, посягающего на основы веры.

Шахмудри скорбно сообщает: «Состряпан наветы в подтверждение его кощунства, они направили их в Дамаск, Мелуку Насири Салахеддину. Они писали: если этот молодой человек останется жив, то твой сын Малик Завар, выходя, выведет из Алеппо отпущенного на волю, то он оставит в разоре какую бы то ни было вочину». Им удалось убедить Салахеддина в своей намерении.

Но не просто было учинить смертную расправу над Сукурравери. Ибо он не только учёный, но и человек с талантом телепатической, гипнотической способностью. По свидетельству истонков, он обладал даром гипнотизировать не только отдельных людей, но и большие сообщества. Выражаясь в духе средневековой лексики, он был маглом.

Средневековый автор Ибн Абу Усейбе сообщает об истории успешной работы учёного Ибрагима Ибн Абулфазла Ибн Садага, который был свидетелем гипнотического дара Сукурравери. Но как бы он не исполнял этот дар, высказываясь, высказываясь, он оставил его прекрасное видение белых высоких замков Дамаска, смерти миновать ему не удалось. А скорее всего, не захотелось. В последнюю пятницу месяца зинь-хизра в 1191 году после смерти Сукурравери вынули из тюрьмы — умершего. Поинте, сгорая сам, светил другим.

«На могиле Сукурравери, который «видел Аллаха» (точнее — зрением духа своего) достойного пророческого сана и ранга, начертаны благодарные слова:

*Здесь покоится жемчуг, сокровищам прахом,
 Сотворённый Всевышним Аллахом.
 Не вдалека отсюда, вдали от суеты,
 Но Аллах огради! перламуловым благом».*

Подготовила Медина ГАСАНОВА.